

Бомбы на Тегеран и Тель-Авив

Кризис между Израилем и Ираном, начавшийся 13 июня, перешёл на качественно новый уровень после того, как США спустя всего десять дней приняли решение нанести удары по трём объектам по обогащению урана. Атаки были осуществлены с применением крылатых ракет, стратегических бомбардировщиков, а также четырнадцати так называемых МОАВ – «матерей всех бомб» – на объекте в Фордо, расположенном под более чем 100 метрами скальной породы. Это самое мощное неядерное оружие в арсенале США; в 2017 году Дональд Трамп санкционировал его применение в Афганистане против базы «Исламского государства». Американская военная доктрина также допускает использование тактического ядерного оружия для выполнения аналогичных задач.

Тем не менее, как пишет пекинская газета *Global Times*, Вашингтон установил «опасный прецедент», атаковав ядерные объекты государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Это может сказаться на стратегиях ядерного сдерживания других держав – как уже обладающих ядерным арсеналом, так и стремящихся к его созданию. Израиль, который официально не признаёт наличие у себя ядерного оружия, и прежде применял свою доктрину «превентивного противодействия распространению». Но никогда в таких масштабах и с целью дестабилизации государства с населением почти 90 миллионов человек, занимающего стратегическое положение как с географической, так и с энергетической точки зрения, – такого, как Иран.

Ставки и туман войны

По мнению Джонатана Эяла, обозревателя сингапурской газеты *Straits Times*, Тель-Авив ловко воспользовался «стратегическим окном», открывшимся после ослабления иранской позиции, особенно в Ливане. Однако он замечает, что, хотя «Израиль мастер тактики», ему часто не хватает стратегического видения – завершить противостояние с Тегераном в одиночку он не в силах. После удара США некоторые заговорили о «стратегической победе» Тель-Авива, якобы заставившего Трампа сделать «ставку» на обезглавливание ядерной программы Ирана и, возможно, добиться его политической капитуляции – или хотя бы чего-то близкого. В недавнем комментарии Эхуд Барак, бывший премьер-министр Израиля и политический соперник Биньямина Нетаньяху, выразил сомнение, что даже США смогли бы «остановить ядерные амбиции» Тегерана без «прямого военного вмешательства», назвав подобный сценарий маловероятным.

Другие вспоминают выражение Дональда Рамсфелда, министра обороны времён войны в Ираке 2003 года, о «известных неизвестностях» и «неизвестных неизвестностях» – формулу, призванную подчеркнуть неизбежность тумана войны и сопутствующих ей непредсказуемых последствий. Среди них – возможная региональная эскалация, втягивание Вашингтона в очередное средневосточное «болото» или даже скатывание к ядерному кризису. Как предполагал *Le Figaro*, загнанный в угол Тегеран может решиться на испытание, пусть даже примитивного, ядерного заряда.

На момент написания статьи Иран ответил демонстративными и заранее анонсированными ударами по американским базам в Катаре и Ираке. Трамп объявил о достижении перемирия, устойчивость которого, впрочем, остаётся под большим вопросом.

Основы иранской стратегии

По мнению Вали Насра (*Iran's Grand Strategy*, 2025), специалиста по Ирану из Университета Джонса Хопкинса, суть текущих переговоров касается базовых столпов иранской «военно-политической стратегии». Причём не только стратегии Исламской Республики, но и ещё шахского Ирана времён династии Пехлеви. Тогда Тегеран принял на себя реализацию «доктрины Никсона» в Персидском заливе, выступая в роли «гаранта интересов США и Запада» в регионе. Это стало основой курса на утверждение «великого Ирана» как региональной гегемонистской державы, вполне возможно – с ядерным потенциалом.

Сейед Х. Мусавиан, бывший иранский дипломат и переговорщик по ядерной программе в годы президентства Хатами, напоминает, что благодаря нефтяным доходам и ускоренной модернизации в рамках «белой революции» шаха Иран стал «привлекательным рынком» для

атомных компаний США, Германии, Франции, Великобритании и Канады. Эти страны не только поставляли технологии, но и передали иранским инженерам значительный объём технологий (*"The Iranian nuclear crisis"*, 2012).

С 2019 года, после выхода США из СВПД (Совместного всеобъемлющего плана действий), Тегеран продолжал действовать в рамках соглашения, но начал поэтапно ускорять продвижение к статусу «ядерного порога», используя это как инструмент давления на переговорах. По оценке Мусавиана, это напоминает «японский вариант»: Япония обладает всей ядерной инфраструктурой и, при возникновении «чрезвычайных обстоятельств», может выйти из ДНЯО, воспользовавшись статьёй 10. Иран требует к себе равного отношения с другими подписантами и настаивает на диалоге с Вашингтоном о взаимных региональных интересах. В этом контексте он даже готов пересмотреть свою доктрину «расширенного сдерживания». Этот вопрос вызывает разногласия между иранскими реформаторами и консерваторами: последние считают военный потенциал ядерной программы, баллистический арсенал и влияние Тегерана на шиитские общины и их вооружённые формирования за рубежом неотъемлемой частью «священной обороны» исламского государства.

По мнению Насра, это наследие национальной травмы, оставшейся после ирано-иракской войны 1980–1988 годов, в которой Исламская Республика оказалась в международной изоляции и могла рассчитывать лишь на военные поставки из Китая и Израиля, а также на собственную оборонную промышленность. В то же время Саддам Хусейн получил кредиты на 200 миллиардов долларов от арабских монархий Персидского залива и поддержку крупнейших европейских стран и СССР. По иронии истории, Биньямин Нетаньяху, тогда посол Израиля в Вашингтоне, был активным сторонником оказания военной помощи Тегерану с целью уравнивания Багдада. Тель-Авив поставил Ирану оружия и запчастей на сумму около 2,5 миллиарда долларов, а Китай – на 5 миллиардов (Pierre Razoux, *"La guerre Iran-Irak 1980–1988"*, 2013).

“Расширенное сдерживание” и “священная оборона”

Как пишет Ален Фрашон в *Le Monde*, концепция «расширенного сдерживания» была призвана предотвратить повторение войны на территории Ирана и сохранить целостность политических завоеваний революции 1979 года. По мнению Вали Насра, вынужденная почти полная автаркия – сначала из-за войны, затем из-за санкций – позволила развить экономику, финансовый сектор и промышленность, особенно под контролем религиозных фондов и Корпуса стражей исламской революции (пасдаран). Эти структуры выступают за протекционистские меры и ориентацию на рынки России и Китая. Консерваторы вернулись к концепции «отрицательного баланса» (*movazaneh-e manfi*), выдвинутый ещё премьером Мохаммедом Мосаддыком в 1950-х, как к формуле иранского «неприсоединения» – «ни с Востоком, ни с Западом».

Дополнением к «священной обороне» является «пояс огня» – сеть шиитских военизированных формирований в регионе, выстроенная генералом Касемом Сулеймани, убитым по приказу Трампа в 2020 году. Эта сеть служит средством асимметричного сдерживания как США, так и Израиля. Однако вся эта конструкция оказалась подорвана после атаки ХАМАС 7 октября. Хотя Тегеран официально не одобрил эту акцию, она явно стала реакцией на попытки, предпринятые в рамках «соглашений Авраама», изолировать Иран и маргинализировать палестинский национализм. Провал сдерживания со стороны Израиля подтолкнул Тель-Авив сначала к разрушению анклава в Газе, а затем к целому ряду кампаний против “Хезболлы” и хуситов. Падение режима Башара Асада в Сирии и сворачивание российского военного присутствия дали Израилю повод нацелиться на «голову иранского осьминога».

Хотя Израиль официально не называет смену власти в Тегеране своей главной целью, такая перспектива ему, безусловно, импонирует. Возможно, в расчёте на то, что ослабление армии и ядерной программы усилит в иранском истеблишменте прагматичные течения. Трамп, вероятно, поддержал эту линию. Обладая, как отмечает *Le Figaro*, «несомненным политическим чутьём и оппортунизмом», он может рассматривать «лёгкую военную победу» как шанс «внушить страх», особенно на фоне провалов своей «хаотичной международной дипломатии». Это возможно – хотя создаётся впечатление, что и Нетаньяху, и Трамп действуют скорее по наитию, полагаясь на импровизацию и стратегическое авось.

Все пути ядерного распространения

В своей книге *Seeking the Bomb* (2022) Випин Наранг, бывший высокопоставленный чиновник Пентагона и автор пересмотра ядерной доктрины США в 2024 году, анализирует исторические стратегии ядерной экспансии разных государств и выделяет четыре возможные модели: «спринт», «страховка», «прикрытое развитие» и «скрытность».

К категории «спринта» относятся державы, которые смогли быстро создать ядерный арсенал – СССР, Китай и Франция. Им это удалось благодаря политическому консенсусу, достаточным ресурсам и относительной защищённости от внешнего вмешательства. Стратегию «страховки» – то есть достижение ядерного порога при опоре на внешние гарантии безопасности – реализовали, например, Германия и Япония.

Израиль, Пакистан и Северная Корея – примеры успешного «прикрытого развития»: эти страны сумели использовать политическую благосклонность или прямую помощь со стороны других ядерных держав, заинтересованных в таком развитии событий по собственным стратегическим причинам. Государства этой группы умеют вовремя находить новых покровителей. Так, Израиль развивал свой ядерный потенциал при техническом содействии Франции и финансовой поддержке Германии. Хотя Шарль де Голль официально прекратил сотрудничество с Тель-Авивом в 1958 году, на деле оно продолжалось до 1960-го. Уже в 1963 году Израиль провёл субкритические (низкоэнергетические) испытания, а к 1967 году обладал как минимум двумя собранными ядерными боеприпасами. Израильские власти умело блокировали попытки администрации Кеннеди добиться международных инспекций, а Белый дом при Линдоне Джонсоне смирился с фактом существования израильского арсенала, который к 1969 году производил порядка девяти боезарядов в год.

В том же году было заключено негласное соглашение между Ричардом Никсоном и Голдой Меир о политике ядерной «непрозрачности»: Израиль обязался «не вводить первым ядерное оружие в регион» и официально не признавать его наличие. Как выразился Генри Киссинджер, позиция США заключалась в том, чтобы «делать вид, что ничего не знают». По мнению Наранга, ядерный арсенал Израиля фактически заменил собой формальный договор о взаимной безопасности между странами, поставив США перед необходимостью регулярно снабжать союзника передовыми вооружениями. Это стало негласной гарантией сохранения израильской «бомбы в подвале» и позволило Тель-Авиву оставаться вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия.

Ядерный пуштун Бжезинского

Ту же логику США применили и в случае с Пакистаном – сначала при Картере, затем при Рейгане. Как писал в одном из меморандумов тогдашний советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, советское вторжение в Афганистан 25 декабря 1979 года вынудило администрацию Картера пересмотреть свои приоритеты в сфере нераспространения и фактически дать зелёный свет ядерной программе Пакистана – ради защиты энергетических маршрутов из Персидского залива и поддержки афганского исламского сопротивления. Наранг называет это «афганским рождественским подарком» для Исламабада. Ядерные амбиции Пакистана зародились ещё в 1972 году – после поражения в войне с Индией, а также на фоне так называемого «мирного ядерного испытания», проведённого Дели в 1974-м. Соглашение с Исламабадом, впоследствии подтверждённое администрацией Рейгана, было по сути идентично договорённости с Израилем: США закрывали глаза на происходящее, если Пакистан не «ставил их в неловкое положение» публичными ядерными испытаниями и продолжал снабжать оружием и обучать пуштунских моджахедов и прочих исламистов. Американская терпимость сохранялась на всём протяжении конфликта. По словам Наранга, существует ряд источников, выдвигающих – пусть и бездоказательно – версию о том, что пакистанские спецслужбы сознательно затягивали войну, извлекая из неё максимальную выгоду.

К 1987 году Пакистан уже располагал оперативными ядерными боеприпасами. С 1990–1991 годов, когда Белый дом утратил возможность заблокировать антипакистанские санкции, инициированные Конгрессом, Исламабад резко сблизился с Пекином, который, по словам Наранга, приветствовал американскую снисходительность. «Исламская бомба» Пакистана была частично профинансирована Саудовской Аравией и в дальнейшем стала образцом для

развития ракетно-ядерных программ Тегерана, выстраиваемых в связке с Пхеньяном. Северная Корея, в свою очередь, использовала свой статус *«буферного государства»*, закреплённый за ней Пекином, чтобы заручиться его защитой.

Выбор Ирана в пользу *«скрытой»* программы, по аналогии с Ливией, Ираком и Сирией, объясняется отсутствием могущественного покровителя. По оценке Наранга, Тегеран остановился на *«пороговой»* стратегии благодаря предложению СВПД, в котором он увидел *«экономическую альтернативу»* открытому ядерному курсу – способ остаться виртуальной ядерной державой.

Июнь 2025 г.